

Испытания на подступах к Белухе

Следующий день, на подступах к Белухе, стал самым суровым испытанием. Ливни превратили тропы в глиняное месиво, и лошади отказывались идти — пришлось вести их на поводу. Теперь не они везли нас, а мы, увязая по щиколотку, тащили их за собой. Копыта скользили и разъезжались, заставляя нас балансировать на краю склона. Мы падали, поднимались и снова цеплялись за повод, чтобы удержать равновесие — и своё, и животного.

Ещё до начала спуска несколько лошадей, включая мою, рухнули на склоне. Нас учили: если конь падает на ноги, он способен подняться вместе с всадником. Конь Лены грохнулся на бок — это худшее из возможного: поднимаясь, животное может затоптать человека. Игорь кричал Лене, чтобы та высвобождала ноги и отползала. А другая Лена, поскользнувшись, ударилась ногой о камень. Вероятно, перелом. Ставить её в седло было нельзя: одно неверное движение — и лошадь могла рухнуть в пропасть. Такое уже случалось с двумя конями Игоря, шедшими в связке... Бедная девушка, стиснув зубы, опираясь на палки, преодолевала опаснейший участок.

Перед спуском Игорь неожиданно подошёл ко мне. «Только ради Бога не плачь, — сказал он. — Если спустишься вниз в целости вместе с конём, поставлю пятёрку».

В его глазах на мгновение мелькнул образ Учителя. В этих словах я почувствовала невероятную заботу, почти отцовское волнение.

Позже он рассказывал, как предыдущая группа, едва начав спуск, плакала и отказывалась идти дальше — стоит заплакать одному, паника становится общей. Я ждала трудностей, но не такого. Оказалось, спускаться куда страшнее, чем подниматься.

Я шла, упираясь в скользкую глину, и тянула за собой коня, который нехотя двигался следом. Чтобы удержаться, я хваталась за кусты, а повод был натянут как струна. Конь, чувствуя моё напряжение, шёл осторожно, нога в ногу. Я училась этому на ходу — и у меня получалось.

Я спустилась третьей. Мы ждали Лену почти час — успели отмыться от глины, обсохнуть и отдышаться.

Следующий спуск оказался ещё опаснее. Кустов, за которые можно было ухватиться, не осталось. Тропа впивалась в склон — узкая и крутая. Выбора не было: пришлось идти впереди коня. Колени дрожали от непривычного напряжения и страха.

Конь чувствовал мою неуверенность, замирал на месте и отказывался двигаться. Я понимала, что помощи ждать неоткуда, кричала на него, с силой тянула повод — и сама же падала от собственного рывка. Он лишь мотал головой, упрямясь. Спуск был таким крутым, что порой моя голова оказывалась прямо под его копытами. Возможно, он и отказывался идти именно поэтому — боялся наступить на меня.

Мне снова пришлось учиться на ходу. Я забиралась на самый край тропы или, наоборот, отходила от него как можно дальше. Только тогда конь, будто получив пространство, соглашался сделать несколько шагов. Вспомнились слова Игоря: «Иди и не

оглядывайся». Я так и делала — не смотрела на него, просто шла, стараясь не замедлять шаг.